

УЧЕБНОЕ ДЕЛО В ОСЕТИИ В 60-х гг. XIX в. В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Е. И. Кобахидзе

Н. А. Ладонина

60-е гг. XIX в. для истории Северного Кавказа во многих отношениях являются поворотными. Начиная с этого времени в социально-политической жизни региона происходят существенные трансформации, обусловленные как активными мероприятиями правительства и высшего кавказского руководства, так и факторами внутреннего развития северокавказских обществ. Этот период знаменателен окончанием изнурительной и для самой Российской империи, и для северокавказского социума Кавказской войны, в течение долгих лет отвлекающей и силы, и средства воюющих сторон. Теперь же активность правительства обращена к развитию гражданских начал в управлении Кавказом. Его административное переустройство, образование Терской области и придание крепости Владикавказ статуса города привели к заметному оживлению гражданской жизни и наращиванию существовавшего культурно-экономического потенциала, что в итоге привело к формированию и развитию качественно нового социально-культурного пространства, в котором едва ли не первое место заняло народное просвещение.

Административные преобразования и реформа управления в Кавказском наместничестве по рассредоточению функций региональных ведомств, предпринятые в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. князем А. И. Барятинским, повлияли и на организационные формы образовательного процесса. Прежде всего был пересмотрен общий порядок управления существовавшим в крае Кавказским учебным округом, где в соответствии с идеей децентрализации руководства учебной администрацией была упразднена должность попечителя Кавказского учебного округа. 2 июля 1860 г. утверждается «в виде опыта по 1 января 1863 г.» новое «Положение об управлении

учебную частью на Кавказе», по которому кавказский наместник определялся «высшим блюстителем точного и правильного исполнения всех постановлений по учебной части во вверенном ему крае» [1, 351]. Начальникам областей, военным и гражданским губернаторам предоставлялись права и обязанности попечителей учебных округов; все делопроизводство по учебной части сосредоточивалось в департаменте общих дел Главного Управления Наместника. Во всех остальных отношениях свою силу сохраняло «Положение о Кавказском учебном округе» 1853 г. Кроме того, вдобавок к существующим четырем учебным дирекциям (Тифлисской, Кутаисской, Ставропольской и Земли войска Черноморского) было учреждено еще три новые — Бакинская, Эриванская и Терская [1, 351], которой были подчинены находившиеся в пределах Терской области горские школы, а также училища Бакинской и Эриванской губерний [2, 39-40]. В 1862 г. срок действия нового положения был продлен до 1 января 1866 г.

По мнению наместника, передача учебных заведений под контроль местных администраций должна была привести к большей эффективности управления образованием в силу близости местного начальства к потребностям и нуждам вверенных им областей. Немаловажное значение имела и финансовая сторона вопроса. Расходы, которые приходилось нести казне на Кавказе (связанные не только с ведением боевых действий, но и содержанием формирующегося административного аппарата), были довольно обременительными для государственной казны. Поэтому Барятинский был озабочен возможным сокращением казенных ассигнований, в том числе и за счет просвещения. Упразднение аппарата центрального управления учебной частью некоторым образом решало эту проблему.

Этими же соображениями объяснялось и создание на Северном Кавказе сети особых учебных заведений — горских школ, которыми ведало местное военное начальство.

Горские школы, для которых по инициативе Барятинского в Главном штабе Кавказской армии был разработан проект особого устава [см.: 3, 184], утвержденного 20 октября 1859 г. [см.: 4, 94-102], находились на положении окружных (уездных — для остальной территории наместничества) училищ, определяемых Положением 1853 г. Устав декларировал цель создания школ подобного рода, их число и принципы разделения: «Для распространения гражданственности и образования между покорившимися мирными горцами, и для доставления служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средства к воспитанию и обучению детей, учреждаются горские школы на степени уездных и первоначальных училищ» [4, 94]. Окружные (соответствующие уездным училищам) горские школы состояли из четырех классов. Они создавались «на первый раз» во Владикавказе (1860) — для осетин, Нальчике (1860) — для кабардинцев, Темир-Хан-Шуре в Дагестане (1861). Для начальных школ предусматривался трехклассный цикл, из которых один был подготовительным. Они открывались в Усть-Лабе (для карачаевцев), крепости Грозной (для чеченцев), в Сухуме (для абхазцев) [4, 94, 97; 5, 337]. Несколькими годами позже были открыты горские школы в Майкопе (1866) — для адыгов, Назрани (1868) — для ингушей. Для народов Дагестана предназначались также открытые впоследствии Аварская, Кази-Кумухская, Акушино-Кайтагская, Табасарано-Кюринская горские школы.

Управление горскими школами было рассредоточено по нескольким дирекциям: так, «для удобнейшего надзора», окружные школы во Владикавказе, Нальчике и Темир-Хан-Шуре и начальная в кр. Грозной вошли в состав Ставропольской дирекции, начальные школы в Усть-Лабе — Черноморской и в Сухум-Кале — Кутаисской дирекции училищ. Общий надзор за горскими школами осуществлялся местными военными властями, т.е. начальниками военных округов [4, 100].

Преимущественное право зачисления в эти школы принадлежало местным уроженцам и детям из семей русских военных и гражданских чинов, но в них дозволялось учиться и мальчикам «из всех других свободных сословий без различия вероисповеданий» [4, 95].

В программу обучения окружных горских школ входили богослужебные предметы (в зависимости от вероисповедания учащихся), русский язык, география, история, математика. Программа начальных школ несколько упрощалась за счет уменьшения количества и объема преподаваемых дисциплин. Все предметы преподавались в горских школах на русском языке. Обучение родному языку учебными планами не предусматривалось. Хотя горские школы обеих ступеней и содержались за счет казны, средства на них шли через военное ведомство, что снижало финансовую нагрузку на Министерство народного просвещения. Ранее эти расходы предназначались для обучения детей горцев в кадетских корпусах. Теперь же, в связи с изменившимися планами учебной администрации наместника, по указу от 11 октября 1858 г. прием кавказских уроженцев в кадетские корпуса был прекращен [6, 31]. «Для того, чтобы разумным и нравственным воспитанием вкоренить в молодом поколении горского юношества истинные правила чести, долга, трудолюбия и порядка и чрез то приготовить их к той гражданственности, которая есть собственно главная цель их образования», при горских школах учреждались пансионы. Места в них распределялись между своекоштными воспитанниками и теми, кто постоянно содержался за казенный счет, — это были дети «из лучших и знатнейших», либо «почетных» фамилий, «кабардинский князей и узденов», а также дети русских военных офицеров и гражданских чиновников [4, 97-98]. Выпускники горских школ имели право на зачисление без экзаменов в четвертый класс гимназии Кавказского наместничества.

Открытая во Владикавказе Горская окружная двухклассная школа оказалась единственным на тот момент казенным заведением в Осетии. Ее воспитанниками являлись преимущественно уроженцы Осе-

тии. В отчете начальника Осетинского округа полковника А. Ф. Эглау содержатся данные о количестве учеников школы по годам:

«В Горской школе воспитывалось осетин:

В 1861 году	30
1862	36
1863	33
В 1864 акад. году	64
1865	74
1866	80
1867 и 1868 акад. году	68»,

причем в числе воспитанников показаны 27 учеников, с 1864 г. обучающихся за счет Общества восстановления православного христианства на Кавказе [7, 316].

Хотя горские школы и предназначались для детей местной элиты, их учреждением декларировалась цель правительства и кавказской администрации — приблизить образование к народу и дать возможность детям из местной среды продолжать обучение в учебных заведениях региона.

Между тем, опыт новой учебно-административной реформы Бяратинского на практике оказался крайне неудачным. Передача функций руководства учебным процессом региональным администрациям и лицам, не имеющим отношения к образовательному процессу, да еще и обремененным своими непосредственными обязанностями, повлекла за собой неблагоприятные последствия. Отсутствие единого руководящего центра вело к разобщенности действий разных дирекций. Случалось даже, что ученики одной кавказской гимназии не могли переходить в другую из-за существующих различий в учебных курсах, которые вводились по усмотрению местного начальства. С другой стороны, начальники губерний и областей не могли найти общего языка с директорами учебных заведений, что негативно сказывалось на всем учебном процессе.

С приходом на Кавказ в качестве наместника великого князя Михаила Николаевича в декабре 1862 г. центральное управление учебной частью было восстановлено. В марте 1864 г. в качестве промежуточного шага в реорганизации управления образованием была учреждена должность главного ин-

спектора учебных заведений на Кавказе и за Кавказом, которую занял авторитетный педагог и опытный администратор, бывший директор училищ Ставропольской губернии, а затем — директор Московского Лазаревского института восточных языков, действительный статский советник Я. М. Неверов [2, 42]. Таким образом повышалась роль центральных ведомств — Министерства народного просвещения и Кавказского комитета — в организации школьного дела в Кавказском наместничестве [6, 41]. Кавказ все активнее вовлекался в орбиту внутриполитического правительственного курса, ориентированного на слияние окраины с Россией в административно-политическом, хозяйственно-экономическом и социокультурном отношениях. Естественным результатом этих процессов становилось повышение значимости центральных правительственных учреждений во внутривнутриполитической жизни края. Взгляды нового наместника полностью соответствовали нарастающей тенденции.

Что же касается образования, то Михаил Николаевич отводил ему роль «самой важной и самой радикальной» меры в ряду тех, которые могли быть приняты «в целях прочного нравственного скрепления горских народностей с Россией» [8, 98]. Новый наместник был убежден в силе «духовного воспитания» горцев, которое одно могло повернуть их на путь «гражданственности», что составляло особый долг и «ближайший интерес» правительства. «Если справедливо вообще, что только духовное оружие может довершить и скрепить окончательно покорение всякой народности, то это в весьма большой степени справедливо и в отношении кавказских горцев», — писал он в своем отчете [8, 99]. По его мнению, главная задача образования горцев состояла в возможно более широких действиях по развитию начального народного образования, в которое была бы вовлечена основная масса населения. С другой стороны, развитие народного образования в крае должно было идти по пути сближения учебной части с той системой, которая существовала в империи.

К началу 60-х гг. XIX в., несмотря на появление школ особого типа и открытие

новых уездных и начальных училищ, число которых к этому времени достигло 98 [2, 36], количество государственных учебных заведений в Кавказском учебном округе не могло обеспечить достижение сформулированных заместителем задач. Начальные школы не только не удовлетворяли реальным потребностям в образовании местных народов, но и не могли составить конкуренции мусульманским учебным заведениям, где активно пропагандировались идеи ислама. На это указывал еще М. С. Воронцов, когда писал военному министру А. И. Чернышеву: «На 500000 душ мужского пола здешнего мусульманского населения, разделенного почти поровну на шиитов и суннитов, приходится 700 мечетей со школами и 3000 мулл, занимающихся как первоначальным, так и окончательным образованием мусульман...» [9, 127] Кроме того, подавляющая часть местного сельского населения оставалась вне формирующегося образовательного пространства. Создание школы «для народа» оставалось актуальным направлением в административной деятельности кавказского руководства.

И в этом проблема начальной школы на Кавказе была созвучна настроениям, царившим в Петербурге, где в начале 60-х гг. активно разрабатывались проекты «устройства элементарных школ и училищ разных ведомств». Вопрос об организации системы начального образования был выделен в качестве самостоятельного, над которым работала специально созданная комиссия из представителей нескольких министерств: народного просвещения, государственных имуществ, уделов, внутренних дел и финансов, а также православного духовного ведомства [1, 370]. Вопрос о начальном народном образовании обсуждался и в особой комиссии о сельских школах при редакционных комиссиях по крестьянскому вопросу. Мнения участников обсуждения по поводу сельских школ заметно расходились: например, в Министерстве народного просвещения признавали невозможным обязательное открытие сельских училищ, полагая, что этот вопрос следует предоставить доброй воле самих сельских обществ при условии их материальной поддержки со

стороны правительства и передаче их в ведение Министерства народного просвещения [1, 371]. Святейший Синод со своей стороны выражал недовольство тем, что при составлении проекта не были приняты во внимание открытые силами духовного ведомства приходские школы (а их насчитывалось в России 9283 со 159000 учащихся), и протестовал против приоритета учебного ведомства в сфере начального образования. В отзыве Св. Синода говорилось, что «духовенству должно предоставить в первоначальной народной школе естественное законное первенство» [1, 371]. В результате дискуссий приоритетным оказалось мнение духовного ведомства.

Исходя из необходимости противостояния мусульманскому духовенству, в Петербурге вновь задумались об активизации на Кавказе миссионерской деятельности православной церкви. В ее задачи входило теперь проведение усиленной пропагандистской работы по распространению и упрочению христианства среди горцев. Для этого требовалась более действенная, чем Осетинская духовная комиссия, организация, которая могла бы успешно противостоять в идеологической борьбе с исламом. 9 июня 1960 г. императором Александром II был дан указ заместителю Барятинскому об организации «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» и учрежден его устав [4, 111]. Согласно уставу, организационным центром Общества стал г. Тифлис.

Обществу покровительствовала сама императрица. В организационном отношении оно находилось под управлением кавказского заместителя, практическое же ведение дел возлагалось на совет Общества под вице-председательством экзарха Грузии [10, 12]. Денежные ресурсы этой организации формировались из членских взносов, пожертвований, а также специальных средств из государственного казначейства, поступавших с 1862 г. Основное внимание Общества было обращено на «восстановление и упрочение христианства там, где оно только в упадке, именно: в Самурзакани, в Сванетии, Южной Осетии, у тушин, пшавов и хевсур, откуда свет христианства впоследствии

проникнет в Абхазию, к балкарцам и караевицам, в Северную Осетию, к кистинам и другим чеченским племенам». Для реализации намеченных планов Общество признало необходимым: «1) Перевести священные богослужебные книги на осетинский, абхазский, сванетский и кистинский языки... 2) По мере средств Общества, восстанавливать ныне существующие в горских приходах церкви и на место старых строить новые... 3) Снабдить миссионеров, в отношении образа действий их, соответствующей цели их, инструкцией... 4) Открыть при Тифлисской и Ставропольской семинариях особые классы для преподавания языков горских племен, и вообще для образования духовных лиц, предназначенных для проповеди слова божия в горах» [4, 112].

Таким образом, на Общество кроме собственно миссионерских задач были возложены также обязанности по распространению грамотности среди местных народов. Общество взяло на себя решение проблем, от которых устранялось государственное ведомство в лице Министерства народного просвещения. Основное внимание оно традиционно сосредоточивало на вопросах обеспечения школами детей служивших в крае офицеров и российских чиновников и не вторгалось в сферу организации народного образования для горцев [6, 39]. Начиная с 60-х гг. Обществу восстановления православного христианства на Кавказе принадлежит ведущая роль в процессе становления в Терской области начальной народной школы, предназначенной для беднейших слоев горского населения.

В ведение Общества перешли все учебные заведения упраздненной Осетинской духовной комиссии, а также новые приходские школы. Ко времени создания Общества в приходах Владикавказского округа уже существовало около 10 школ. Однако они не были достаточно обеспечены ни кадрами, ни финансами, и потому мало соответствовали своему назначению — воспитывать горцев в духе христианства. В этом отношении выделялось только Владикавказское четырехклассное духовное училище, открытое еще в 1836 г., которое являлось «единственным рассадником хри-

стианского просвещения между осетинами» [4, 115]. Поэтому уже в первые годы своего существования Общество принялось за создание новых школ. Они устраивались по одной во всех приходах, где «существовала письменность». Преподавание в этих школах поручалось местному духовенству, а первоначальным языком обучения признавался местный («природный») язык «как более удобный для элементарного образования». Русский язык, как и другие предметы, становились факультативными и преподавались только по достижении учениками определенного уровня в освоении грамоты родного языка [4, 115, 124].

16 мая 1863 г. кавказский наместник Михаил Николаевич утвердил «Правила о приходских школах ведомства Общества восстановления православного христианства на Кавказе». Правилами определялся тип школы для основного населения Кавказа — приходская школа, и ее цели — «воспитание детей горских семейств в духе православной христианской веры и распространение необходимых по образу жизни горцев, нуждам и занятиям их сведений» [4, 116]. Таким образом, Правила в полной мере отразили взгляды кавказского руководства на задачи просвещения в горской среде, которые носили не столько образовательный, сколько миссионерский характер.

Школы предписывалось открывать во всех христианских приходах, а все расходы по обеспечению образовательного процесса осуществлялись за счет Общества. Предполагалось, что приходские школы станут «подвижно-очередными» — одна школа должна была действовать в одном селении два-три года, чтобы как можно большее количество детей могло получить полное первоначальное образование, а затем переводилась бы в другое селение [4, 117].

Приходские школы делились на одноклассные, которые должны были открываться во всех приходах, и двухклассные — только в тех приходах, где это сочтено необходимым само Общество. Одноклассные школы делились на два разряда: в школы первого разряда набиралось не менее 20 учеников, в школы второго — 10-15 детей. Одноклассный курс обучения длился два года, а двух-

классный — четыре. Образование «горского юношества» в приходских школах возлагалось на местное духовенство, хотя право занятия учительской должности в приходской школе имели лица «всякого звания и состояния, соединяющие в себе условия для занятия сих должностей необходимые» [4, 120].

Важным достижением в образовательной практике приходских школ стало первоначальное обучение детей горцев на родном языке. Разговорный и письменный русский язык включался в учебный курс в качестве отдельных дисциплин. В образовательном процессе применялся метод взаимного обучения. Характерно, что для расширения кругозора детей горцев Общество обязывалось снабжать подопечные школы литературой «преимущественно на природном языке» [4, 119].

Энтузиазм членов Общества в деле народного просвещения сказался в открытии при двухклассных школах «для постоянно приюта бедных детей, либо желающих из учащихся» пансионеров на 30 воспитанников, из которых 20 должны были постоянно содержаться за счет средств Общества [4, 117, 125-126].

Приходские школы рассматривались как начальный этап, пройдя который каждый ученик по ходатайству благочинного и с разрешения совета Общества имел право поступления в учебное заведение духовного ведомства более высокой ступени: выпускники одноклассных школ — в двухклассные, выпускники двухклассных школ — в высшие духовные училища [4, 121]. Так в образовательной практике на Кавказе впервые прозвучала идея непрерывности образования. В деятельности Общества отразились также принципы открытости и всеобщности образования. Не менее важным стало привлечение местного населения к образовательному процессу: сельские общества обязывались предоставить помещение для устройства школ и обеспечивать их дровами для отопления. Так подспудно Общество воздействовало на местное общественное сознание, распространяя среди горцев идеи о необходимости образования и поддержке школы.

В планах Общества было открытие новых школ в 27 осетинских приходах [4, 127].

Но ввиду ограниченности материальных возможностей Общества двухклассные приходские школы предполагалось первоначально устроить в плоскостных селениях, более обеспеченных по сравнению с горскими, сообразно четырем осетинским обществам: для Тагаурского общества — в сел. Гизель, для Куртатинского — в Кадгароне или Суадаге, для Дигорского — в Вольно-Христиановском, а для общества «расположенного на правом берегу Терека» — в Хумалаге или Батако-Юрте. Этот выбор объяснялся удобным расположением сел в окрестностях Владикавказа или ст. Ардон — «единственных в округе (Осетинском. — *Авт.*) торговых пунктах, откуда могут быть добываемы необходимые предметы для содержания пансионеров и близ леса, обеспечивающего школы отоплением» [4, 124]. Что касается устройства школ в горных районах, то окружное руководство посчитало этот способ «для распространения грамотности между жителями Осетии, обитающими в горах», неудобным и «почти невозможным» [4, 126].

Тем не менее, приходские школы в горских селениях все же открывались, хотя медленно и в недостаточном количестве. Судя по данным на 1 января 1873 г. об учебных заведениях и численности учащихся, приведенным Эглау, к этому времени в Осетии действовало 16 школ, часть которых была открыта и в горских приходах (Хидикусская, Мизурская, Даргавская, Садонская). Во всех этих школах обучалось чуть более 700 детей обоего пола [4, 131-133]. Однако еще несколькими годами ранее, по состоянию на 1 января 1869 г., в Осетии существовало 20 приходских школ (18 для мальчиков и 2 для девочек) с общим количеством учеников в 393 человека [7, 316]. Очевидно, что содержание всех этих школ было непосильно для Общества, которому приходилось запрашивать средства у областного начальства [4, 126-127]. Кроме того, часть школ в приходах закрывалась либо по распоряжению инспектора училищ, находящихся в ведении Общества (например, Хидикусская), либо из-за неприбытия учителей (Батако-юртовская). Но несмотря на объективные трудности, приходские школы продолжали

функционировать, и уже к 1875 г. их число вновь увеличилось до 20, причем сюда входило и пять школ для девочек: Ольгинская, Хумалагская, Даргкохская, Ардонская, Салугарданская [4, 138].

Роль приходских школ ведения ОВПХ в формировании образовательного потенциала Осетии несомненна. Общество сосредоточило в своих руках организацию и практическую деятельность всей системы начального образования в Осетии, предназначенного для беднейших слоев горского крестьянства. «Все, что существует по учебной части, составляет прямую заслугу Общества восстановления православного христианства на Кавказе, иждивением которого учреждены в округе самые рациональные учебные заведения — это приходские школы», — подчеркивали в окружной администрации. Несомненно также и то, что именно приходские школы стали основным и «ближайшим проводником твердых и основательных начал гражданской и духовной жизни» в крае [4, 123], своеобразными центрами пропаганды идей российской государственности в среде горского крестьянства.

Православие стало также фактором развития в Осетии и женского образования, занимающего отдельную страницу в истории народного просвещения в крае. Этот сюжет интересен не только сам по себе, но и в контексте изменений в правительственной образовательной политике в целом.

Под давлением общественного мнения и в условиях предстоящих либеральных реформ правительство, наконец, обратилось к вопросу о женском образовании. С конца 50-х гг. в правительственных верхах при участии дворянства и городской общности стали разрабатываться подходы к решению вопроса о женском образовании. Проект положения о женских училищах, разработанный попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, в апреле 1858 г. был одобрен Главным правлением училищ, которое внесло в него две существенные поправки: училищам необходимо придать «характер частных заведений для того, чтобы упросить способы устройства и управления новых училищ и тем содействовать их ско-

рейшему развитию», и поручить распоряжение средствами, поступающими от правительства, начальнице училища, для которой было установлено «почетное звание попечительницы» [1, 372-373]. 30 мая 1858 г. появляется «Положение о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения» [11]. Бывшее прежде делом частной инициативы, женское образование в стране получило, наконец, официальное оформление и вышло за узкосословные рамки.

Женские учебные заведения объявлялись открытыми и разделялись на два разряда (с шести- и трехгодичным курсом), имеющих одну цель: «сообщать ученицам то религиозное, нравственное и умственное образование, которого должно требовать от каждой женщины, в особенности же от будущей матери семейства» [11, 690]. Преподавание в этих училищах должно было вестись по программам и руководствам, утверждаемым Министерством народного просвещения, а преподавательский состав — формироваться из профессиональных педагогов. В финансовом же отношении новые женские училища всецело зависели от добровольных пожертвований со стороны частных лиц, ведомств и сословий.

Но даже столь стесненные финансовые обстоятельства, в которые ставило Положение новые учебные заведения, не помешали их быстрому распространению. «Если и далее пойдет так, — говорилось в отчете министра за 1858 г., — то просвещение в России получит сильное подкрепление, ибо никто и ничто не может иметь такого благотворного влияния на первоначальное образование юношества, как просвещенная мать» [1, 373-374]. Через два года, 10 мая 1860 г., было издано новое «Положение о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения», которое отличалось от предыдущего главным образом в части, касающейся порядка управления этими учебными заведениями. Теперь женские училища оказывались в попечении начальника губернии. Кроме того, при каждом училище учреждались попечительский и педагогический советы [12]. Уже к 1865 г. в России действовало 123 женских училища

первого и второго разрядов с 9000 учениц, находящихся в ведении МНП [1, 456]. Впоследствии женские училища первого и второго разрядов стали основой для создания женских гимназий и прогимназий.

Однако эти несомненно позитивные сдвиги в правительственной образовательной политике не отразились на женском образовании в Осетии. Здесь оно развивалось практически исключительно благодаря подвижничеству духовенства и отдельных лиц.

Наибольшую известность получила школа для осетинских девочек, учрежденная священником, инспектором Владикавказского духовного училища и протоиереем Осетинской церкви во Владикавказе Алексием (Аксо) Колиевым. Она была открыта 10 мая 1862 г., и уже в ноябре Колиев подчеркивал, что «учреждение школы для девиц есть не плод фантазии, а вещь удобно выполняемая, и может иметь важное значение в деле общественного образования осетин» [13, 6]. Первые годы школа существовала на дому у священника и за счет его собственных средств. По учебной программе она приближалась к двухклассной начальной школе и имела, скорее, миссионерские цели. Поначалу в числе учениц школы было 10 девочек. Но после того как в 1866 г. ее посетил наместник Михаил Николаевич, школа уже после смерти Колиева была преобразована в трехклассную и переведена на содержание Общества восстановления православного христианства [10, 18]. Теперь она была рассчитана на 25 воспитанниц и содержала пансион. «Цель этого заведения, — подчеркивали в окружной администрации, — кроме распространения грамотности и здравых понятий между женщинами, заключается еще и в ознакомлении их с домашним хозяйством; для последней цели в настоящее время делаются большие перестройки в доме, занимаемом училищем, чтобы приспособить его к удобному ведению домашнего хозяйства» [7, 317]. В честь супруги наместника, великой княгини Ольги Федоровны школа была названа Ольгинской.

Владикавказская Ольгинская школа в трансформированном виде просуществовала вплоть до революции, будучи в 1891 г. преобразована во Владикавказский Оль-

гинский женский приют с училищем, и в женскую второклассную учительскую школу в 1916 г. За все время ее существования школу окончили десятки осетинских девушек, многие из которых посвятили себя учительству.

Значение Ольгинской женской школы велико не только для Осетии. Ее учреждение ознаменовало новую эпоху в деле народного просвещения на Северном Кавказе, открыв девушкам из низших сословий доступ к образованию значительно раньше, чем на Кавказе и в целом в России. Открытие школы во Владикавказе дало толчок к развитию женского образования в регионе. Спустя два года, в апреле 1864 г., открылось женское училище 1-го разряда в Тифлисе, учрежденное попечением великой княгини Ольги Федоровны. Училище было доступно для девушек всех званий и состояний. Следом, в 1865 г., возникли низшие женские училища в Темир-Хан-Шуре, Пятигорске, Дербенте и Закаталах [2, 50].

Таким образом, уже в первые годы наместничества Михаила Николаевича учебное дело на Кавказе заметно оживилось: общее количество учебных заведений возросло до 239, в систему образования влились женские училища, появились начатки профессионального образования, ведущегося в реальных училищах и специализированных прогимназиях, в три раза по сравнению в середине 50-х гг. выросло число учеников в учебных заведениях разного типа, достигнув 15611 чел. [2, 51]

Однако успехи в сфере образования в первые годы наместничества Михаила Николаевича не могли затушевать серьезных недостатков, препятствующих развитию школьного дела на Кавказе. Главным из них исследователи справедливо называют ведомственность [см.: 6, 43]. Преодолению ведомственных разногласий во многом способствовало принятие нового Положения об учебной части на Кавказе и за Кавказом от 25 июня 1867 г. [14]. В нем были зафиксированы изменения в общей стратегии управления образованием в наместничестве и ее ориентацию на сближение всей системы образования в регионе с принятой МНП. Положение возродило прежнюю структуру

образовательной системы на Кавказе в виде пяти дирекций и одной инспекции: Тифлисской, Ставропольской, Кубанской, Кутаисской, Бакинской и Эриванской инспекции. 9 декабря того же года восстанавливался Кавказский учебный округ [6, 65], а 13 января 1868 г. — и должность попечителя округа [2, 60], которую занял Я. М. Неверов.

Принципы унификации школьной системы на Кавказе с общероссийской, заложенные в документе, выразились в том, что к средним учебным заведениям был применен общий устав гимназий и прогимназий ведомства МНП от 19 ноября 1864 г., деливший их на классические и реальные «сообразно местным в тех и других потребностям» [15], а к народным училищам — Положение о начальных народных училищах от 14 июля того же года [1, 450]. (Характерно, что в проекте Положения о начальных народных училищах нашли отражение отзвуки регионалистского подхода к начальному обучению. В числе общих принципов, на которых, согласно проекту, должно было основываться Положение, значились: разделение училищ на нормальные, учреждаемые МНП, и начальные, учреждаемые обществами и частными лицами; необязательность преподавания, предоставляемого выбору обществ и частных лиц; «чтобы не внушить населению отвращения к школе, являющейся проводником русского влияния», разрешалось обучение на «местном наречии» с последующим переводом его на русский язык. В устройстве и учебных программах начальных училищ предполагались отступления, вызванные местными условиями [1, 446-448]. Однако при рассмотрении проекта Положения о начальных народных училищах в Государственном совете из него были изъяты статьи, допускающие отступления от общих училищных программ, обусловленные местной спецификой, в том числе и те, которые касались языка обучения, «так как правительство должно озабочиваться развитием общей русской грамотности, а не местных наречий» [1, 450].)

Наместнику было предложено вводить новое Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом 1867 г. постепенно, «по мере открывающихся денежных средств».

Согласно Положению, в подчинение учебного округа переходили все учебные заведения наместничества, находившиеся в ведомстве МНП. В 1869 г. к округу отошли также и учебные заведения, бывшие в распоряжении Кавказского горского управления [6, 44]. Таким образом, к концу 60-х гг. в управлении образованием на Кавказе осталось два руководящих центра — Министерство народного просвещения и духовное ведомство.

Терская дирекция училищ со всеми ее учебными учреждениями, в т.ч. Владикавказской и Нальчикской горскими окружными школами и начальной школой в кр. Грозной, еще в 1866 г. была передана в ведение начальника Терской области. Уездное училище в Дербенте и горское окружное училище в Темир-Хан-Шуре оставались в распоряжении начальника Дагестанской области.

Сама Владикавказская горская школа 30 ноября 1867 г. в полном составе поступила в пансион учрежденной в городе реальной прогимназии, хотя и сохранила свою организацию и подчиненность окружному управлению [7, 316]. Весьма специфическое учебное учреждение, каким являлась горская школа, созданная в условиях военного времени и предназначенная для его нужд, не соответствовала ни одному из типов российских школ и не вписывалась в общую систему народного образования, унифицируемую по общероссийскому образцу. Кроме того, окончание Кавказской войны повлияло на социальную ориентацию школьного дела как одного из направлений внутренней политики империи по отношению к Кавказу. Теперь политические позиции Российской империи на Кавказе были несомненными, в связи с чем отпадала необходимость в лояльности местной элиты, для детей которых и создавались эти школы [6, 61]. Постепенная переориентация кавказской начальной школы в сторону ее профессиональной специализации отразилась на состоянии и положении горских училищ, что соответствовало взглядам на начальное образование самого кавказского наместника, который «впредь до общего переустройства горских училищ и вообще организации начального образования... признал по-

лезным ввести в систему обучения горских мальчиков... занятие ремеслами и сельскохозяйственными работами» [8, 100].

Реальная прогимназия во Владикавказе, открытая по инициативе начальника Терской области М. Т. Лорис-Меликова 1 января 1868 г., стала прообразом средне-специального учебного заведения. Осетинские мальчики — ученики бывшей горской школы — обучались в ней за счет Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Судя по отчету начальника Осетинского округа А. Ф. Эглау, к 1869 г. во Владикавказской прогимназии обучалось 27 мальчиков «из осетин», на содержание которых Общество выделяло 2160 руб. в год [7, 321]. Через год после открытия, в 1868 г., Владикавказская прогимназия перешла из ведения Военного министерства в учебное ведомство [2, 60].

Кроме учеников приходских школ, Владикавказской прогимназии и Ставропольской гимназии, молодые люди из Осетии учились в высших и средних специальных заведениях России и Кавказа. По сведениям из отчета начальника Осетинского округа Эглау, на 1 января 1869 г. проходили обучение:

«В Петровской академии сельского хозяйства	2
Техническом институте	1
Московской Земледельческой школе	2
Лачинской школе садоводства и сельского хозяйства	3
Окончили курс в Тифлисской Фельдшерской школе с званием Фельдшеров	5
Алагирском госпитале	2
Окончили во Владикавказской Ветеринарной школе с званием Фельдшеров	2
Обучается в той же Ветеринарной школе	1
Всего	18» [7, 322].

Хотя число этих учащихся невелико, их наличие свидетельствует о значительных сдвигах в системе потребностей самого населения, в ряду которых образование постепенно начинает занимать отдельное место. В окружной администрации отмечали, что «Осетинский округ находится в самых благоприятных условиях к развитию; народ трудолюбив, покорен, стремится к улучшению своего быта и начинает сознавать необходимость образования» [7, 318]. Успехи учеников-горцев были замечены и в высшей администрации Кавказского наместничества, где подчеркивали, что «по успехам они, в общей массе, не отстают от русских мальчиков, и очень многие из них первенствуют, причем замечено, что настойчивостью в труде отличаются особенно уроженцы Дагестана и осетины» [8, 102].

Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом 1867 г стало последним специально разработанным для региона нормативным документом. Оно четко определило цели образовательной политики в крае и регламентировало систему мер, направленных на слияние образовательного пространства Кавказского наместничества с общероссийским. Как и в других областях административной деятельности, зигзаги в управлении учебным делом на Кавказе определялись взглядами представителей высшего кавказского руководства, отвечая в то же время изменениям в общей политической линии, вырабатываемой центральной властью по отношению к Кавказу и его населению. В целом же с 60-х гг. в гражданской жизни на Кавказе начинается новый период, отмеченный элементами начавшегося диалога государства и общества, которые выступали как взаимодополняющие системы. В ходе их противоречивого взаимодействия формировалась своеобразная результирующая, по которой и пошло развитие в регионе народного образования.

1. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902/Сост. С. В. Рождественский. СПб., 1902.
2. *Модзалевский Л.* Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. Отд. I. С. 3-96.
3. Отчет наместника Кавказского и главнокомандующего Кавказскою армией. Тифлис, 1861.
4. Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе, 1942. Т. V.
5. *Кумыков Т. Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965.
6. *Гатагова Л. С.* Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М., 1993.
7. Отчет начальника Осетинского Округа за время с 1-го Января 1863 по 1-е Января 1869 года // Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов/Сост., вступ. ст., коммент. Е. И. Кобахидзе. Владикавказ, 2012. С. 296-325.
8. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб., 1870.
9. АКАК. Тифлис, 1895. Т. X.
10. *Габеев А. Я.* Основные этапы развития народного образования в Осетии (1740-1917 гг.) // Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе, 1942. Т. V. С. 3-24.
11. ПСЗ-II. Т. XXXIII. Отд. 1-е. № 33221. С. 689-691.
12. ПСЗ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. № 35780. С. 532-535.
13. НА СОИГСИ. Ф.10. Оп.1. Д.63.
14. ПСЗ-II. Т. LXII. Отд. 1-е. № 44748. С. 1016-1032.
15. ПСЗ-II. Т. XXXIX. Отд. 2-е. № 41472. С. 167-179.